

Мы родом не из детства — из войны.

(Альбом воспоминаний)

Исполнитель: Конева Ирина Валерьевна

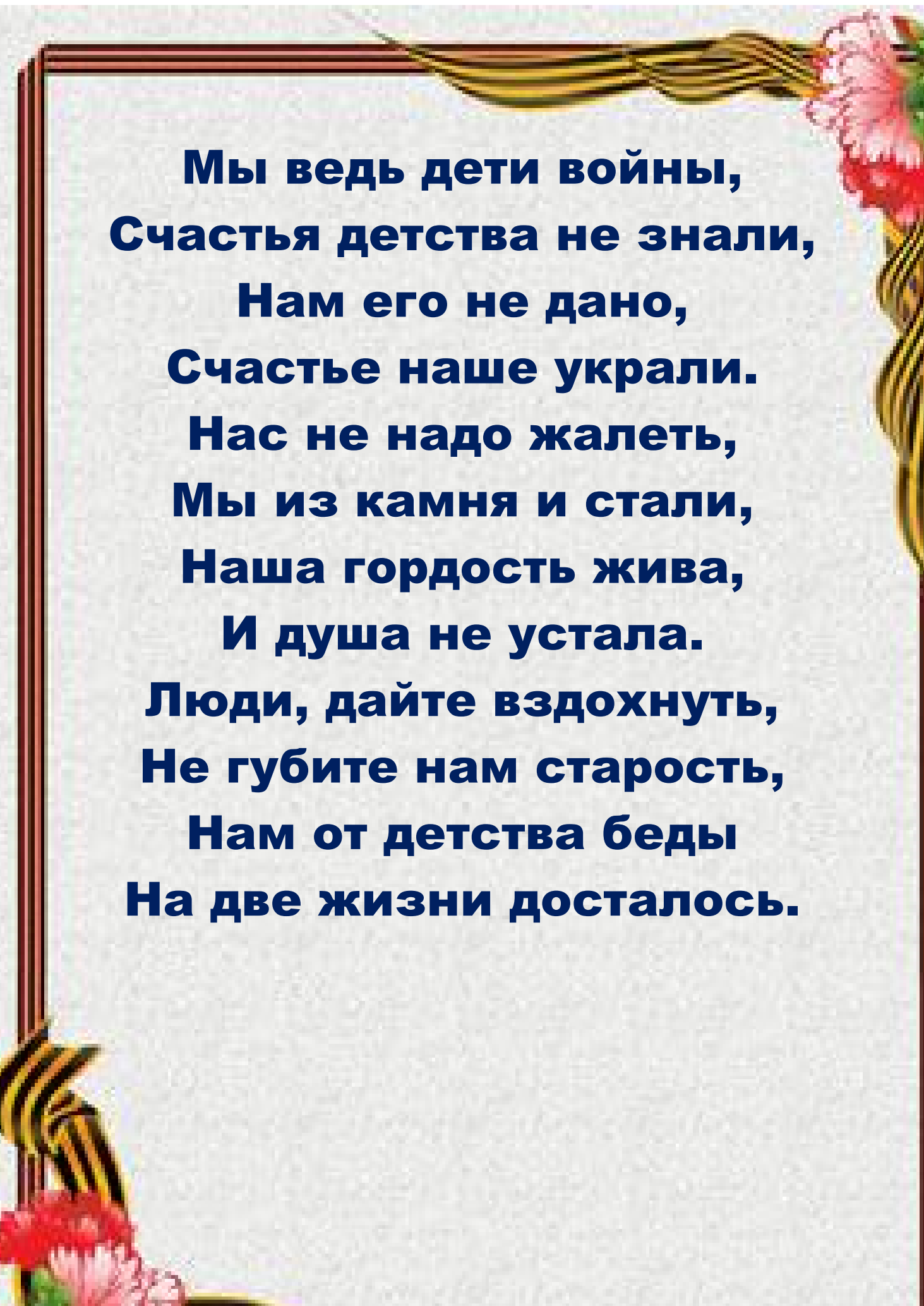
библиограф

Петрокаменская центральная

районная библиотека

2015 год

с. Петрокаменское

A decorative border surrounds the text. It features a yellow and black striped ribbon that forms a large bow at the top right and another at the bottom left. Pink and red flowers are attached to the ribbon. The entire page is framed by a double-line border, with the inner line being a darker brown.

**Мы ведь дети войны,
Счастья детства не знали,
Нам его не дано,
Счастье наше украли.
Нас не надо жалеть,
Мы из камня и стали,
Наша гордость жива,
И душа не устала.
Люди, дайте вздохнуть,
Не губите нам старость,
Нам от детства беды
На две жизни досталось.**

Зудова Роза Калистратовна

21.04.1940

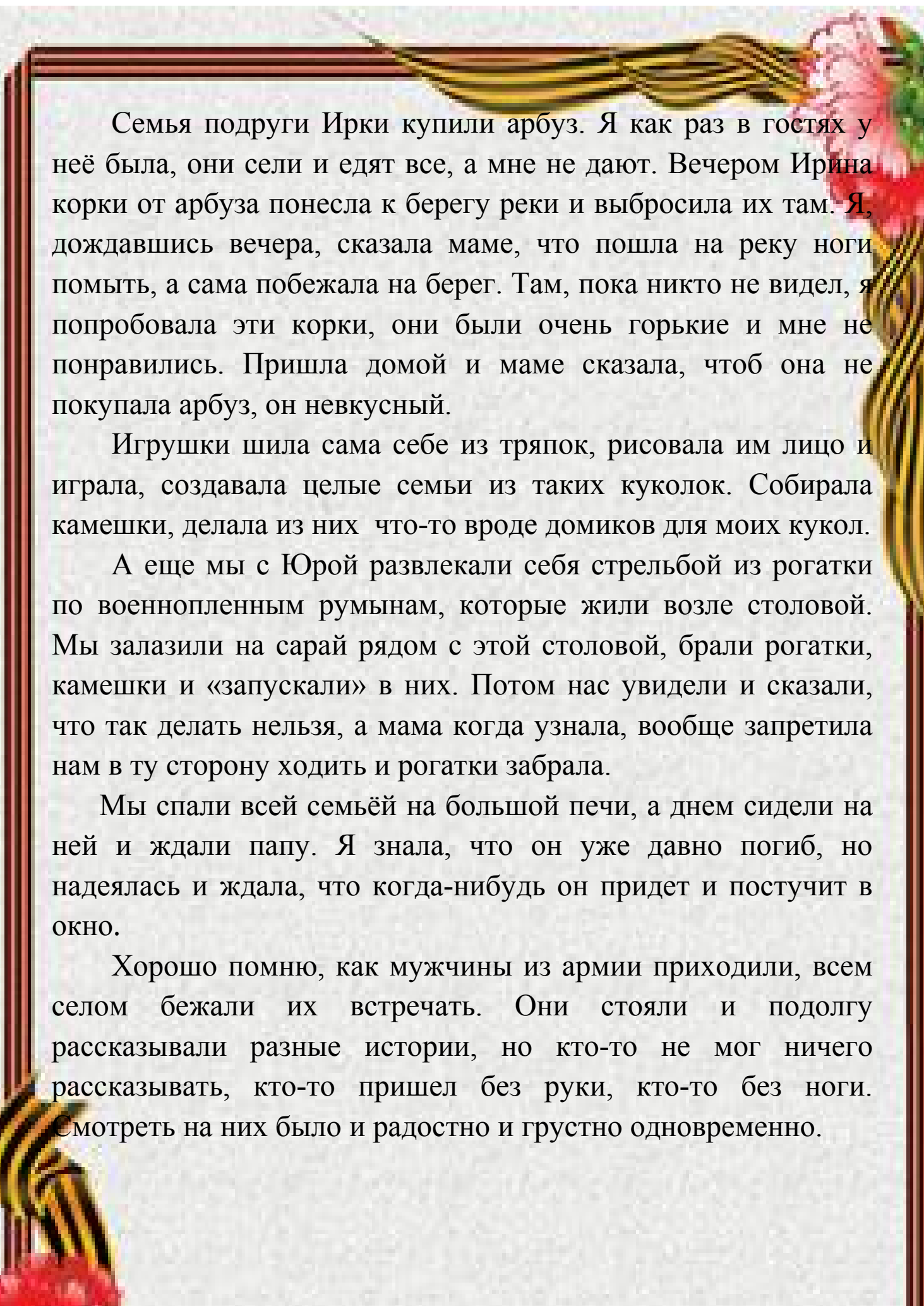
Когда началась война, мне был 1 год и 2 месяца. У нас в семье было 4 ребенка, старшего Ивана забрали на фронт. Юра был больным, мы с ним дома сидели. Лида в школу ходила и помогала работать маме.

Носить было нечего, помню, мне мама сшила сарафан из папиных штанов так в нём я проходила всё лето. Он к концу лета уже выцвел и протерся, а больше надеть нечего было.

В основном ели картошку. У нас была корова, но все, что имели с неё, все сдавали колхозу. Хлеба у нас не было. Наголодовались как надо!

Помню, как - то раз дядя Миня привез комбикорм бабушке, она дала немного маме. Мама сварила его и поставила в печь в угол, чтобы накормить Лиду, когда та придет с работы. А нам очень хотелось кушать и мы с Юркой нашли эту кастрюлю и всё съели. Мама домой пришла, увидела, что нет каши, и очень огорчилась, мне даже попало.

Мы долго живем, потому что ели траву. Много разной травы, но только летом могли так наедаться. Однажды из-за какой-то травы отнялись ноги, я её поела, домой пошла и упала, лежу и не могу встать. Хорошо, что мама шла от бабушки и увидела, что я лежу. Она меня на руки подняла и донесла до дома.

Семья подружки Ирки купили арбуз. Я как раз в гостях у неё была, они сели и едят все, а мне не дают. Вечером Ирина корки от арбуза понесла к берегу реки и выбросила их там. Я, дождавшись вечера, сказала маме, что пошла на реку ноги помыть, а сама побежала на берег. Там, пока никто не видел, я попробовала эти корки, они были очень горькие и мне не понравились. Пришла домой и маме сказала, чтоб она не покупала арбуз, он невкусный.

Игрушки шила сама себе из тряпок, рисовала им лицо и играла, создавала целые семьи из таких куколок. Собирала камешки, делала из них что-то вроде домиков для моих кукол.

А еще мы с Юрой развлекали себя стрельбой из рогатки по военнопленным румынам, которые жили возле столовой. Мы залазили на сарай рядом с этой столовой, брали рогатки, камешки и «запускали» в них. Потом нас увидели и сказали, что так делать нельзя, а мама когда узнала, вообще запретила нам в ту сторону ходить и рогатки забрала.

Мы спали всей семьёй на большой печи, а днем сидели на ней и ждали папу. Я знала, что он уже давно погиб, но надеялась и ждала, что когда-нибудь он придет и постучит в окно.

Хорошо помню, как мужчины из армии приходили, всем селом бежали их встречать. Они стояли и подолгу рассказывали разные истории, но кто-то не мог ничего рассказывать, кто-то пришел без руки, кто-то без ноги. Смотреть на них было и радостно и грустно одновременно.

***Лидия Калистратовна
Водопьянова 12.06.1932***

Когда мы отца собрались на фронт провожать, Роза была в яслях, а мы все пошли в лес, папа захотел с ним попрощаться. Мы всей семьей вместе, а Иван со своими друзьями. Потом мы пришли домой, папу у дома уже ждала лошадь. Нас с Юрой в неё посадили, мы доехали до начала Петрокаменска и он нам сказал: «Если хотите провожать дальше, бегите». И мы бежали, бежали до последнего, я почувствовала очень сильную боль, когда его забрали. Папа писал, что обучает новобранцев прыгать с самолета.

В 9 лет пошла в первый класс. Закончила 4 класса. Потом не училась долго, потому что не в чем было ходить. Потом начала учиться в Петрокаменской вечерней школе. Были школьные праздники, мы учили стихи, пели песни, танцевали. На новый год даже давали маленькие конфетные подарочки. У нас было два огорода, которые мы сначала вручную перепаживали и только потом после войны начали пахать лошадью.

Киселева Валентина Серафимовна

1935год

Когда началась война, мне было 6 лет. Что такое война не понимала до конца. Хорошо помню, как провожали отца на войну. Дома собрались соседи и родственники, было много народа. Утром пошли провожать. Было нас детей 5 человек. Мама работала на ферме. Тяжело было отцу уходить на фронт. Пятым ребенком был сын, только что родился. Старшие сестры пошли работать. Перебирали и сушили картошку, которую потом отправляли на фронт. Я оставалась дома на хозяйстве и следила за младшими. В хозяйстве была корова, овцы, куры. Доила корову и пекла хлеб. Переехали из Зырянки дедушка с бабушкой, и нас стало 8 человек в семье. Ходили в лес по ягоды, заготавливали их много. Был большой огород, много садили картошки, но к весне на посадку оставалось мало, садили одни глазки. Ходили на заливные луга за диким луком. Для маленьких детей делали концерты. В школу я пошла в 9 лет, в школе был участок, садили картофель, капусту, морковь. Пололи все вместе и убрали. В школе нам варили похлебку из тех овощей, которые мы собрали и давали стакан молока, но хлеба не давали.

В избе читальне работники по радио слушали сводки, а потом всем рассказывали, что происходило на фронте.

Налоги на каждую семью были большие

Яйца 100 штук

Мясо 41 кг

Шерсть 2 кг

Молоко 400 л

Папа запомнился добрым, заботливым; всегда у нас подшиты валенки были благодаря ему, а вот с войны он не вернулся. Долго хранили его письма, перечитывали несколько раз.

Дедушка с бабушкой умерли в конце войны, один за другим. Осталась только папина мать, мы с ней и ходили по ягоды. Я ревела, говорила: «Не пойду больше», а она утром опять будит, и снова идем.

Мезянкин Петр Николаевич

1926 год 12 мая

На момент начала войны мне было 15 лет.

О начале войны я услышал по радио в центре села у памятника Ленину.

Учился я в то время в 7 классе, нас взяли работниками на МТС вместо тех, кто ушел на фронт. Я ремонтировал двигатели тракторов, а обучал меня этому эвакуированный из Кривого Рога. Мы, ребята 12-13 лет, сами таскали тяжелые двигатели, мыли их, а отмыть нужно было каждую деталь.

В МТС, как и на всех предприятиях было казарменное положение, и кто-то всегда оставался на дежурство. Если опаздывали, сразу суд. За первый раз, вычитали из зарплаты 20%. Вот мы и ездили на работу на роликах, чтобы не опоздать.

Кормили нас в столовой. Работники МТС договаривались с колхозом, и мы ели один раз в день за 3 рубля. В свободное время мы выезжали в лес за дичью для столовой. По весне собирали картошку, которая оттаяла.

Фабрика приобрела баян и гармошку, и девушки и парни иногда устраивали концерты.

Ждали, когда война пройдет, чтоб досыта поесть хлеба.

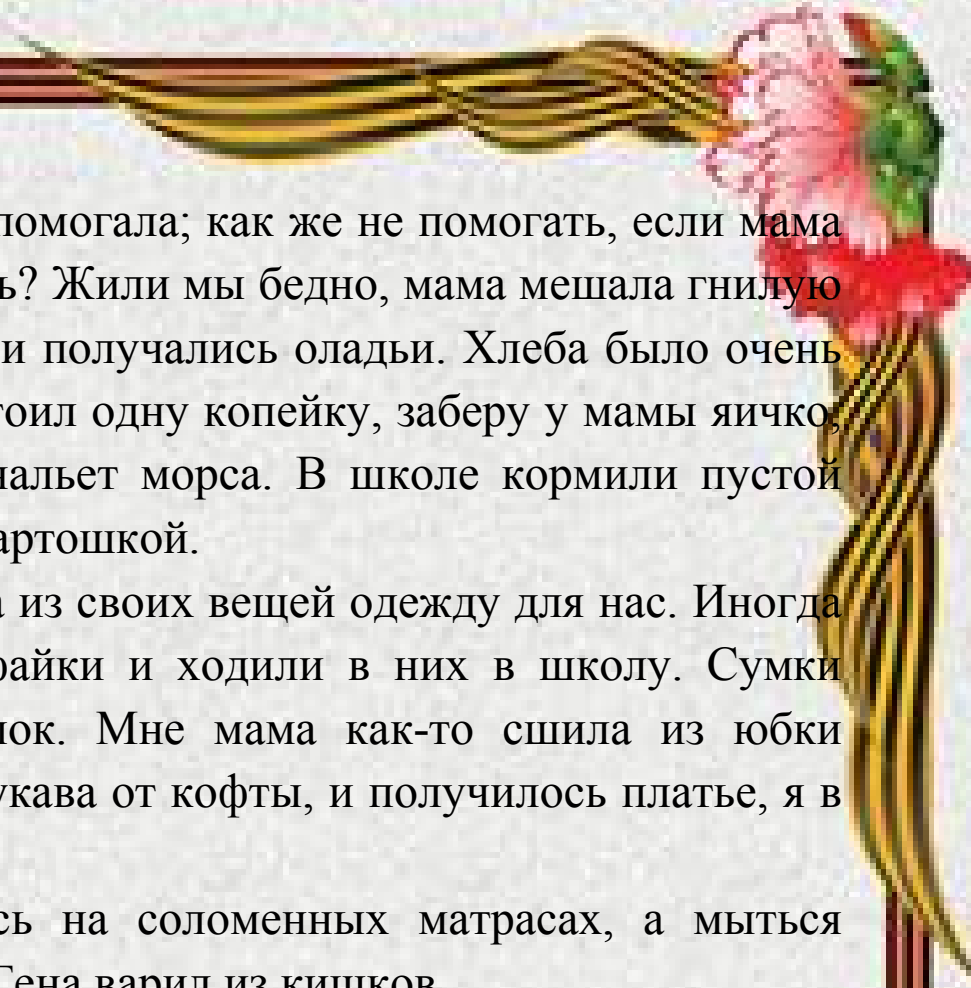
Фалалеева Роза Маркеловна

07.09.1936

Началась война, и я, пятилетняя девчонка, тогда ходила в детсад. Провожали мужчин на войну всем селом, я тоже провожала папу и брата. Играть тогда было нечем, я делала колесики и брала палочку, чтобы крутить их, а зимой бегали на горку. В 7 лет начали полоть поля. После того как старшие заготовят сено, мы ходили, собирали последние колоски.

Всегда встречали новый год в школе. На ёлке мы клеили кульки, нам давали что-то стряпанное и конфеты. После елки нас кормили супом и булочками с чаем. Вообще учиться было весело. Даже сдавали экзамены. Писали в тетрадях, они были и в линию и в клетку. Так как в классах было по 40 человек, учебников на всех не хватало, мы с соседкой занимались по одним учебникам. Предметы у нас были все, а особенно хорошо изучалось военное дело. В школе никто лохматым не ходил, все девочки были заплетены, а мальчики причесаны. В школе строго соблюдались порядки, также как и в селе. Но праздники были только в школе, в селе всегда шла работа.

После школы шли работать на огороды. Все, что собирали, сдавали в колхоз. Из своего сада тоже все сдавали в колхоз. Сдавали мёд, молоко, мясо, масло. Ходили в лес собирать ягоды, шиповник. Катали валенки и шили полушубки из овечьей шерсти.

По дому я всегда помогала; как же не помогать, если мама возвращалась под ночь? Жили мы бедно, мама мешала гнилую картошку с молоком, и получались оладьи. Хлеба было очень мало. стакан морса стоил одну копейку, заберу у мамы яичко, отдам продавцу, он нальет морса. В школе кормили пустой похлебкой из лука с картошкой.

Мама перешивала из своих вещей одежду для нас. Иногда брали у богатых фуфайки и ходили в них в школу. Сумки были сшиты из тряпок. Мне мама как-то сшила из юбки сарафан и пришила рукава от кофты, и получилось платье, я в нем в школу ходила.

Спать приходилось на соломенных матрасах, а мыться мылом, которое дядя Гена варил из кишков.

...Однажды на полях шли работы, все было как обычно. Но тут прискакал на лошади бригадир да как закричал: «Всё, кончилась война!» Все стали плакать, обниматься. Долго радовались. Потом и отец с братом пришли, папа после войны 2 года просидел в углу под одеялом, он ослеп, и глаза боялись света.

После войны с каждым днем жилось проще, легче. Как-то раз моя подруга Нина сказала: «Хорошо тебе: у тебя отец вернулся с войны, а мой погиб», а я ей и ответила: «А ты-то одна в семье, а нас трое». Мне тогда стало немного жаль и её и себя.

Зольникова Клавдия Алимпьевна

09.05.1933

Когда началась, война яучилась в Невьянске в 1 классе. Позже мы переехали в Петрокаменское. Здесь я училась второй и третий класс. Т.к. отца посадили, а нас выгнали из квартиры, мы жили в сарайке, спали с мамой на печке, потому что на кровати невозможно было спать из-за сырости: появились мокрицы, и они ползали по кровати. В Петрокаменское переехали к бабушке. Мама работала в яслях, когда я приходила за мамой, чтобы вместе пойти домой, меня заведующая даже не пускала погреться. И мне приходилось ждать маму на крыльце. Вот тогда-то, зимой, я и простудилась. Заболела

туберкулезом.

В школе заставляли мыть полы, а дверь главная всегда была открыта. Я в дырявых валенках, часто оставалась на дежурство, снова заболела.

Жили плохо, никто не помогал. Давали по 500г хлеба по карточкам. А бабушка ничего уже не понимала и съедала весь хлеб, пока никто не видит. Я кричала на нее: « Мама придет, а есть нечего».

Мама тогда уже работала на складе. В валенки тайком сыпала горох и приносила домой. Варили его. Отца на фронте ранили.

Приходили сборщики вещей, но мы ничего не отправляли на фронт, т.к. у самих не было ничего. Одну пальтушку с мамой носили на двоих. Ели траву и гнилую картошку. Очень тяжело вспоминать то время.

Ершова Мария Николаевна

9 февраля 1927 года.

Родилась в деревне Сизиково.
Училась

в Мурзинской школе. Когда мне
было 14 лет, началась война.
Объявили войну, а в это время все

мужчины были на покое. У женатых мужчин жены сразу начали топить бани, чтобы их мужья помылись и отправились на фронт. Мылись по 5-6 человек. Очень много мужчин собралось в машины. Все жены и дети долго плакали.

До войны часто ходили в лес по ягоды, а как война началась, перестали ходить. Только когда надо было собирать для колхоза. С Дарьей Ивановной очень далеко ходили в лес летом. Человек по 15 за 5 км от дома. Придем на поляну, там полно ягод, а мы же маленькие были вот и дурили. Но Дарья Ивановна была строгая, но справедливая женщина, кто просмеется да пробалуется, того не берут потом по ягоды. Отдавали шиповник, чернику, бруснику в сельпо.

В классе было много ребят. Учились 4 класса. Очень много в школе было цветов, только попробуй тронь. Сажали картошку. Подарки на Новый Год, сами клеили, что-то вроде кулечков. Помню, нарежем бумаги, покрасим ее, склеим. Вот и гирлянда. Нам запретили покупать стеклянные игрушки, потому что они бились. Елки отмечали с родителями в Сизиково.

Сами шили кукол. Тряпки сошьем, ваты натолкаем в них, нарисуем лицо, волосы из холста приделаем и играем ими, когда время выпадало.

В седьмом классе пошла работать, а не продолжила учиться потому, что не послушала маму. Вручную копали картошку на полях. Работала на ферме, ухаживала за телятами. Через год начала работать дояркой. Поработали на ферме, а потом на танцы бежали.

Носили, что попало. Сами шили одежду, когда мама покупала ткань. В чем работали, в том и шли потом на танцы.

Ели картошку, кашу. Маме давали муку на работе. Мы ее перемешаем с картошкой, вот и получались пироги.

Мы на фронт отправляли носки, а кто-то сушил картошку и отправлял.

**Колногорова
Ивановна**

Тамара

Родилась я в 1935 году на Украине, когда война началась, мне было 6 лет, нас с мамой сразу эвакуировали в

Черемшанку. У нас тут раньше папа был председателем. Ехали мы долго, день едем, а ночью в окопах отсиживаемся. Меня даже однажды ранило осколком в ногу. С собой мы ничего не взяли, только один чемодан, я еще успела взять свою любимую игрушку.

Когда приехали сюда, мама устроилась на золотые прииски, а я ходила в Петрокаменскую школу. Ходить было не в чем, я в бабушкиной шубе ходила, валенки у нас одни с ней были. Выполняла домашнее задание над лучинкой зажженной. Писали разведенной сажей или свеклой, макали чем-нибудь в эту жидкость и выводили буквы. Но учебники у нас были, конечно, мало, но хватало всем, когда-то по одному занимались, менялись ими.

Жили мы бедно, собирали картошку гнилую на поле и делали из неё лепёшки. Всё сдавали в колхоз, а самим ничего и не оставалось. Хлеба давали 400 грамм на человека, мы за ним долго в очереди стояли. После войны начали давать крупу и конфеты.

Жили голодом и холодом.

***Сивкова Валентина
Федоровна 23 февраля 1923***

Мы с подружкой пошли гулять, сидели на берегу, а потом прибежал мальчик и кричит: «Девочки, война началась», мы встали и побежали скорей в центр села, слушать объявление.

Когда провожали отца и остальных мужчин из села, мы пели песни, частушки. Было, конечно, грустно, но нужно было поднять дух солдатам. Потом подъехала машина, всех загрузили и увезли.

На следующий день сразу меня вызвали на работу в столовую. Много людей туда приходило незнакомых, все они были разных национальностей.

Нам присылали яичный порошок из Америки, и мы из него делали омлет. Еще ели суп и пили чай. По карточкам получали хлеб.

Меня хотели на войну забрать, мне как раз 18 лет исполнилось, даже обучать начали стрельбе и медицинской помощи, но наш заведующий, меня отстоял, он сказал: «Она нам здесь нужна».

Я замуж вышла 8 мая 1945 года, а на следующие утро прибежали соседи, стучат в окно и кричат: «Победа, победа вставайте». Мы все собрались на площади и слушали сообщение Левитана.

Ковальчук Галина Алексеевна

24.05. 1935

В начале июня 1941 года мы с мамой поехали в гости к бабушке с дедушкой в Петрокаменск. А когда сообщили о начале войны, мама сказала, что здесь и останемся жить.

Мама сразу устроилась на работу, а я оставалась дома за старшую. Водилась с младшими, готовила еду и выстаивала в очередях за хлебом. Бывало, занимали очереди с ночи. Заходили в дом, который был ближе всего, а милиция придет и всех выловит; кто убежать не успевал, мыл полы в отделении. Очередь отстою, домой иду, краюшку себе от хлеба отломлю и иду нюхаю, не ем, но бывало, что иногда лизну. Домой прихожу, садимся кушать, а у меня слёзы: «Мы вот сидим, едим, а папка там голодом».

Играла я в основном своей любимой тряпичной куколкой, а иногда ходила к подружке Клавье, у неё было много разных тряпочек, мы ими играли.

В школу пошла в 9 лет. Писали мы на краях газет простым карандашом. Иногда выдавали по одному листочку. Букварь учили всю зиму, даже было чистописание. Кормили нас в школе булочкой и чаем.

Новгородцев Александр Ефимович 10.10.1936

Началась война, я стал жить у бабушки. Помню, провожали на фронт солдат всем селом, пели частушки, плясали под гармошку. Первое время жить было не трудно, хорошо ели, пили, одевались, но всё это быстро прошло и началось голодное время.

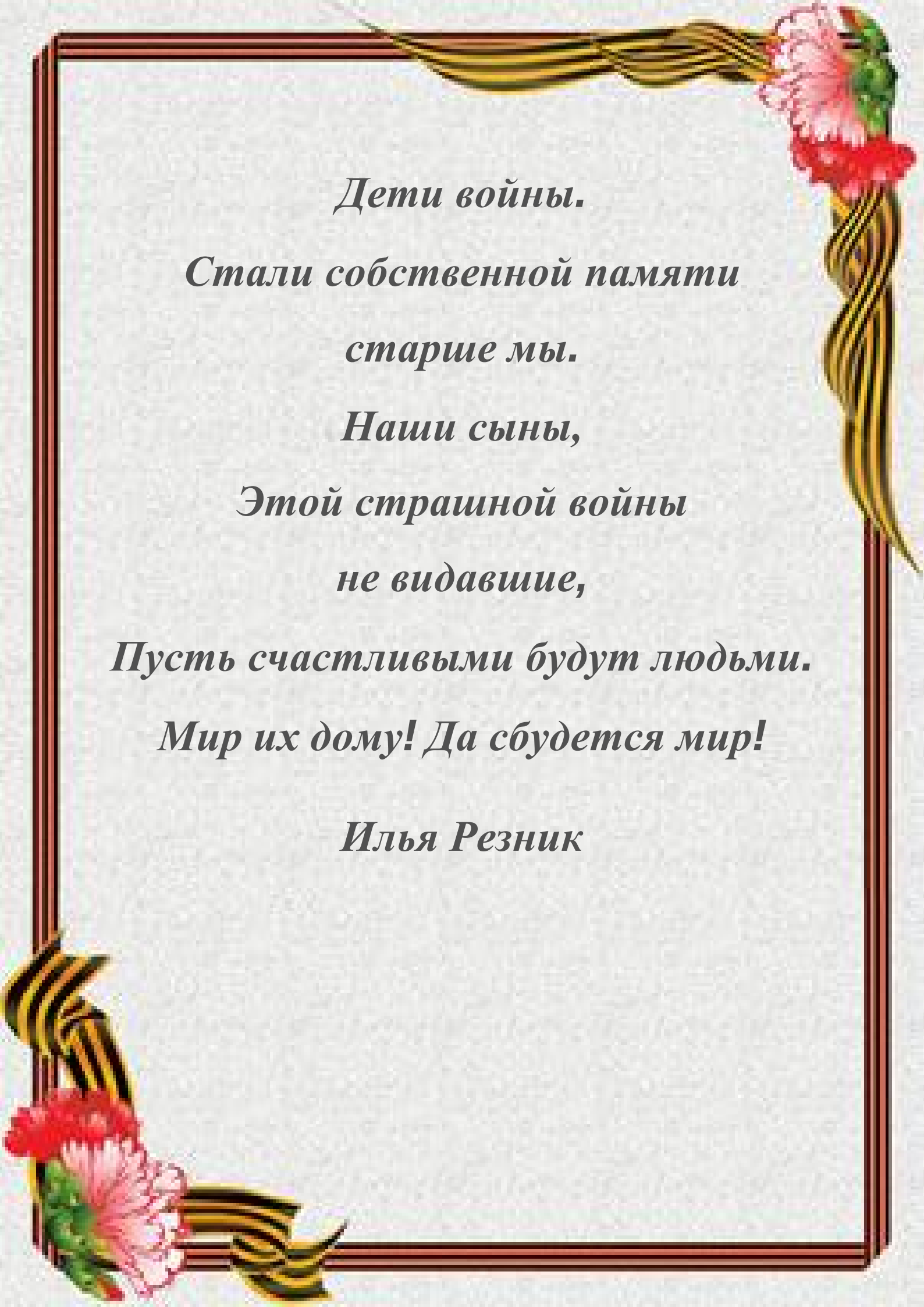
Летом мы заготавливали ягоды, грибы на зиму. А так сами ели пестики, сорянки, пиканы, репей и другую любую травку. Жали сок из сосен и берез. Из травы варили супы. Как – то раз привезли мужчины жерди, мы из них сока себе надавили, а он такой был, видно, вредный, вот парень один и скончался после того, как попил его.

Радостью для нас было, когда пленные женщины шли с уборки огородов да бросали листик капустный куда-нибудь в кусты. Мы все бежали, делили его и съедали. Женщины хорошие бывали, всё понимали: ведь у самих дети где – то голодали.

Мы дети часто всей улицей собирались и играли в разные подвижные игры. Все были добрыми, никто тебе не нагрубит, никто твоих игрушек не ломает, а наоборот помогали друг другу.

В 1943 меня в школу не взяли, я ростом был мал, пошел в 1944 и учился со старшими ребятами. В школе было холодно, стояли печи, а мы в них картошку клали и получались печенки, ели всем классом. Ходили в школу босиком, а когда наступали холода, надевали валенки. Шли в школу в любые морозы. Когда замерзали чернила, писали разведенной сажей и свекольным соком.

В школе у нас были батальоны, и девочки, начиная с 5 класса, стояли у дверей с винтовками. А ребята со 2 класса работали в артели «Заря», делали игрушки для детей.

*Дети войны.
Стали собственной памяти
старше мы.
Наши сыны,
Этой страшной войны
не выдавшие,
Пусть счастливыми будут людьми.
Мир их дому! Да сбудется мир!*

Илья Резник

